

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА С РОССИЕЙ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

А. В. ФАДЕЕВ

История русско-кавказских отношений до сих пор рассматривалась преимущественно в плане политическом. При анализе причин, порождавших известное тяготение кавказских народов к русскому, равно как и при оценке последствий завоевания Кавказа царской Россией, принимались во внимание главным образом политические обстоятельства (обеспечение внешней безопасности, общность политических интересов и т. п.).

Между тем представляется весьма важным и вопрос об экономических предпосылках расширения русско-кавказских связей. Говоря о Кавказе, В. И. Ленин указывал: «Экономическое «завоевание» его Россией совершилось гораздо позднее, чем политическое...»¹. Но это, разумеется, отнюдь не исключает наличия определенных экономических связей между Кавказом и Россией еще в период его политического завоевания, которое, как известно, представляло собой весьма длительный процесс и завершилось лишь к середине 60-х годов XIX в. В частности, на протяжении всего этого периода, несмотря на произвол царских колонизаторов и происходившие то в одном, то в другом районе военные действия, экономическое общение горцев Северного Кавказа с русским и украинским населением степной полосы этого края неуклонно расширялось. Одновременно возрастало значение степных областей Северного Кавказа в экономике России. Подобно другим, и эта далекая окраина вовлекалась в сферу всероссийского рынка. Все это, с одной стороны, исторически подготовляло процесс экономического «завоевания» Кавказа российским капитализмом, с другой — объективно способствовало более тесному сближению кавказских народов с русским.

Задачей данной статьи является освещение характера и форм экономических связей Северного Кавказа с Россией в дореформенный период, т. е. примерно с 90-х годов XVIII в. до 60-х годов XIX в. Решение этой задачи поможет выяснить то, какое значение имели эти отношения для обеих сторон.

* * *

Степная полоса Северного Кавказа, ограниченная с севера Кумо-Манычской впадиной, а с юга — линией Кубань— Терек, начала заселяться русскими уже в XVI в. (терские казаки), но окончательно вошла в со-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 520.

став России лишь в 1783 г., с присоединением Крымского ханства и его прикубанских владений.

К середине XIX в. в этой зоне предкавказских степей насчитывалось 87 тыс. ногайских и других кочевников и около 670 тыс. человек оседлого населения, преимущественно русских и украинцев². Свыше половины (58%) общей численности населения составляли «черноморские» (кубанские) и «линейные» казаки, около одной четверти (23%) — государственные крестьяне. Казаки расселялись в прикубанских степях и в полосе Кавказской укрепленной линии, в частности в долине Терека. Крестьяне заселяли ставропольские степи, долины Кумы и Егорлыка.

Несмотря на то, что в общей массе русских и украинских переселенцев казаки по численности преобладали над крестьянами, именно государственные крестьяне сыграли главную роль в деле экономического освоения степных районов Предкавказья в дореформенный период. Хозяйственное развитие районов казачьей колонизации (Прикубанье, долина Терека) тормозилось в то время влиянием военных действий, скрывалось сословными традициями и множеством специфических средневековых форм быта и общественного устройства, характерных для казачества. Земледелие здесь развивалось слабо, вследствие чего казаки, как правило, покупали крестьянский хлеб, привозимый из Ставрополя³. Напротив, в районах крестьянской колонизации земледелие развивалось более успешно. Отдельные селения еще в 30—40-х годах XIX в. славились высококачественной пшеницей (Благодарное, Покойное, Нина, Чернолесское, Кугульта, Тихорецкое) и высокими сортами вина (Прасковья, Владимировка на Куме, Маслов Кут и др.). Быстро развивались в ставропольских степях и наиболее товарные отрасли сельского хозяйства — табаководство, хлопководство, разведение марены, кунжута, конопли. С 40-х годов XIX в. получили распространение кукуруза и картофель.

Несмотря на слабую техническую вооруженность, крестьяне-новоселы добивались урожаев, часто вдвое превосходивших средний урожай хлебов в Центральной России. И отнюдь не только природные условия были тому причиной. В предкавказских степях урожайность полей государственных крестьян вдвое превышала урожайность помещичьих полей (у крестьян сам-5—8, у помещиков сам-2—5)⁴.

Это еще раз доказывает, что развитие производительных сил в сельском хозяйстве шло гораздо быстрее там, где земледелием занимался крестьянин, менее придавленный крепостным гнетом и не зависевший от произвола помещика.

Кстати, несмотря на все усилия царского правительства, помещичье хозяйство феодального типа так и не получило развития в предкавказских степях. В середине XIX в. на долю помещиков в степных районах Северного Кавказа приходилось всего 3% общего сбора хлебов. Основными производителями хлеба являлись государственные крестьяне: они производили накануне реформы 1861 г. в 65 раз больше хлеба, чем помещики, и в 5,5 раз больше, чем казаки⁵.

Велика была роль крестьян-переселенцев и в развитии животноводства, которое на протяжении всего дореформенного периода оставалось главной отраслью экономики степной полосы Северного Кавказа. Характерно, что основная масса товарного скота отправлялась во внутренние губер-

² ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 8, д. 184, л. 54; Государственный архив Краснодарского края (ГАКК), ф. 249, оп. 1, д. 2307, л. 517. Помимо русских и украинских переселенцев, в Предкавказье в то время оседло жили армяне, грузины, осетины, кабардинцы и др., но все они, вместе взятые, не составляли и двух процентов к общему числу населения степной зоны Северного Кавказа.

³ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 817, л. 4; д. 2283, л. 5.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, д. 887, л. 66. Отчет о состоянии Кавказской губернии за 1846 г.

⁵ Там же, оп. 9, д. 101, л. 452; см. также «Кубанский сборник», т. VI, Екатеринодар, 1900, стр. 54.

нии России не из районов казачьей колонизации, а из крестьянских районов Ставрополя.

Наряду с развитием земледельческой культуры и оседлой жизни в сельских местностях важным следствием русской колонизации предкавказских степей явилось возникновение здесь городов, которых раньше в этом крае не было (если не принимать во внимание городские поселения древних эпох). К середине XIX в. в городах степной части Северного Кавказа (в Кизляре, Моздоке, Георгиевске, Пятигорске, Ставрополе, Армавире, Екатеринодаре, Ейске, Темрюке) жило уже около 10% населения края. Следует отметить также возникновение курортного района Кавказских Минеральных Вод (Пятигорска, Железноводска, Ессентуков, Кисловодска), население которого в летние месяцы значительно возросло за счет приезжих курортников и обслуживающих их людей.

Таким образом, еще в дореформенный период в степной части Северного Кавказа возник новый экономический район, во многом отличавшийся от внутренних губерний России. Особенности его были относительно более быстрые, сравнительно с центральными районами, развитие производительных сил, рост торгового земледелия и животноводства, наличие значительного процента городского и вообще неземледельческого населения. В административном отношении этот экономический район был представлен Ставропольской губернией и областью Черноморского (впоследствии Кубанского) казачьего войска. Тот факт, что в 1853 г. помещичьи крепостные крестьяне составляли немногим более 2% общей численности населения этих административных единиц, служит достаточно ярким показателем специфики социальной структуры данного района⁶. Не имения крепостников-помещиков, а хозяйства государственных крестьян и казаков являлись основой его экономического развития. Тем самым создавалась почва для возникновения здесь тенденций, характерных для буржуазных производственных отношений. А это в свою очередь благоприятствовало расширению экономических связей Степного Предкавказья как с внутренними губерниями России, так и с горными районами Северного Кавказа.

* * *

Заселение и освоение Степного Предкавказья относится ко времени, когда в экономической жизни России происходили значительные перемены. По мере роста производительных сил страны углублялось общественное разделение труда, резче обозначалась специализация хозяйственных районов, что способствовало развитию обмена между ними и расширению внутреннего рынка. Проникая во все отрасли хозяйства, товарно-денежные отношения взламывали присущую крепостному строю натурально-хозяйственную замкнутость. С ростом городов и увеличением неземледельческого населения повышался спрос на хлеб, мясо и другие сельскохозяйственные продукты. В этих условиях крепились рыночные связи между промышленным центром и аграрными окраинами страны, поставлявшими все в большем количестве продовольствие и сырье в обмен на промышленные изделия.

Еще на рубеже XVIII и XIX вв. Предкавказье стало вовлекаться в систему всероссийского рынка. Главным товаром, поступавшим во внутренние губернии империи из предкавказских степей, являлся скот.

Гурты скота, примерно по 250 голов каждый, направлялись из Ставрополя чаще всего по так называемому «Черкасскому тракту» — через села Московское, Безопасное, Средний Егорлык на Старо-Черкасскую, а оттуда прямо на север, до станицы Казанской. От Казанской шел так называемый «Донской тракт» — через Козлов, Ряжск, Михайлов, Колому до самой Москвы. Если скот направлялся далее в Петербург, то его

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 8, д. 184, л. 54.

гнали обычным путем, связывавшим обе столицы, — через Тверь и Новгород⁷.

Расстояние от Ставрополя до Москвы (свыше 1500 км) покрывалось, как правило, за 60 суток, т. е. средняя скорость движения гуртов составляла приблизительно 25 км в день.

Помимо скота и продуктов животноводства (овечьей шерсти, кож и пр.), Предкавказье поставляло на рынки Центрального промышленного района виноградный спирт, водку, вино, а также в небольшом количестве шелк и марену. Эти товары вывозились преимущественно из Кизлярского уезда через Шандруковскую пристань и далее направлялись водным путем по Каспийскому морю и Волге до Макарьева (а впоследствии до Нижнего Новгорода). В начале XIX в. из Кавказской губернии ежегодно вывозилось 80 тыс. ведер виноградного спирта по 6—8 руб. за ведро, 40 тыс. ведер кизлярской водки, около 20 тыс. голов крупного рогатого скота, столько же овец и до 1 тыс. лошадей — всего товаров на сумму до 700 тыс. рублей⁸.

Тогда же в пределы Кавказской губернии привозились с севера, преимущественно с Макарьевской ярмарки, по Волге, различные текстильные и металлические изделия, посуда, обувь, одежда, а также чай, кофе (30—40 руб. за пуд), сахар (20—40 руб. за пуд). Среди привозимых с севера текстильных изделий бывали дорогие сукна, шелковые и бумажные ткани иностранного происхождения, «а более русских фабрик материи», которые пользовались широким спросом со стороны массы новоселов⁹.

В дальнейшем Степное Предкавказье все более специализировалось на мясном нагульном скотоводстве, коневодстве и овцеводстве. Так, например, из Кавказской губернии было отправлено¹⁰:

Годы	Крупного рогатого скота	Овец	Лошадей
1816	17 504	19 100	730
1817	18 145	св. нет	св. нет

О том, какие города и районы империи снабжало мясом Степное Предкавказье, можно судить по следующей таблице¹¹:

Годы	Всего отправлено крупного рогатого скота	В том числе		
		в Москву	в Петербург	в другие пункты
1816	17 504	2 919	2 260	12 325
1817	18 145	2 670	8 440	7 035

Отсюда следует, что в отдельные годы до 63% поголовья крупного рогатого скота, отправлявшегося из пределов Предкавказья, продавалось в Москве и Петербурге. К числу других пунктов, куда направлялся ставропольский и прикубанский скот, относились Белгород, Старобельск, Тамбов, Тула, Калуга, Саратов и даже Рига¹². Большинство овец сбывалось в Москве и приволжских городах: Саратове, Арзамасе. Лошади отправлялись преимущественно в район расквартирования 1-й армии — на Правобережную Украину и в Белоруссию.

⁷ «Военно-статистический сборник», вып. IV, СПб., 1871, стр. 607.

⁸ «Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний», СПб., 1809, стр. 510 (в дальнейшем ХОАК).

⁹ ХОАК, стр. 508—509.

¹⁰ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК), ф. 87, оп. 1, д. 486, лл. 10—11, 19—20. Ведомость о прогоне гуртов из Кавказской губернии за 1816—1817 гг.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

Роль Степного Предкавказья в экономической жизни России была уже столь очевидной, что ревизовавший в 1818 г. Кавказскую губернию сенатор Д. Мертвый не без основания называл ее «хутором России, где плодятся и возвращаются лошади, быки и овцы»¹³.

По данным 1849 г., казаки и государственные крестьяне Предкавказья ежегодно продавали скупщикам-скототорговцам до 25 тыс. голов крупного рогатого скота на общую сумму 250 тыс. руб. серебром и до 30 тыс. овец на 40 тыс. серебром¹⁴.

Скот для отгона на север закупался на ярмарках. Наиболее значительные ярмарки живого скота бывали в Ставрополе, а также в селах, расположенных на «Черкасском тракте», — Московском, Медвежьем (ныне Молотовское) и Среднем Егорлыке. Здесь обычно и формировались гурты скота, направлявшиеся во внутренние губернии империи¹⁵. Лошадей закупали на конских ярмарках, из которых две устраивались в Ставрополе, две — в Моздоке и пять — в крупных казенных селениях Кавказской губернии¹⁶.

В роли скупщиков и прасолов в Предкавказье выступали, как правило, зажиточные государственные крестьяне, а также купцы и мещане. Кавказский гражданский губернатор в 1818 г. сообщал: «Собственно же на продажу в столицы рогатого скота сами жители не отгоняют, а продают оный... промышленникам, кои большей частью бывают иногородние жители, как-то купцы, мещане и другого класса люди...»¹⁷.

В архиве канцелярии Кавказского гражданского губернатора нередко можно встретить документы, свидетельствующие о закупке и отправке во внутренние губернии России скота также местными купцами и мещанами. Например, Ставропольское городское полицейское управление 24 марта 1837 г. выдало ставропольскому купцу 3-й гильдии Трофиму Поваляеву удостоверение в том, что он действительно «отправил в столичный город Санкт-Петербург купленные им в базарные дни и со времен существовавшей в городе Ставрополе ярмарки два гурта рогатого скота» общим количеством 500 голов быков¹⁸.

Помимо скота, казаки и государственные крестьяне Предкавказья в середине XIX в. ежегодно продавали примерно на 40 тыс. руб. серебром кожевального сырья и на 80 тыс. руб. серебром (62 тыс. пудов) овечьей шерсти¹⁹.

Тогда же продавалось на Нижегородской ярмарке до 150 тыс. ведер кизлярского вина и водки в год²⁰.

По мере развития торгового земледелия Степное Предкавказье все более выступало в роли хлебопроизводящего района. Если область Черноморского казачьего войска в течение дореформенного периода оставалась преимущественно потребляющим районом, то казачьи станицы Линейного войска и особенно государственные селения Ставрополя к середине XIX в. продавали уже значительное количество хлеба.

Правда, специфика Предкавказья заключалась в этом отношении в том, что далеко не вся масса товарного зерна поступала в то время на вольный рынок. Известную часть товарных остатков зерна закупали на месте подрядчики, связанные договорами с интендантским ведомством

¹³ «Акты Кавказской археографической комиссии» (АКАК), т. VI, ч. 2, стр. 578.

¹⁴ «Военно-статистическое обозрение Ставропольской губ.», СПб., 1851, стр. 205.

¹⁵ «Ставропольская скотопрмышленность на Московском и Петербургском рынках», Ставрополь, 1875, стр. 56—57.

¹⁶ ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 604, лл. 11, 12, 18. Сведения о коннозаводстве и ярмарках в г. Ставрополе и округе (1837 г.).

¹⁷ Там же, ф. 87, оп. 1, д. 586, л. 32. Рапорт Кавказск. гражданск. губернатора от 2 мая 1818 г. (черновик).

¹⁸ Там же, ф. 444, оп. 1, д. 637, л. 1. См. также л. 2.

¹⁹ «Военно-статистическое обозрение Ставропольской губ.», стр. 205.

²⁰ Г. Небольсин. Статистический обзор внешней торговли России, ч. 1, СПб., 1850, стр. 272.

на поставку хлеба для войск Отдельного Кавказского корпуса (с 1857 г. Кавказской армии). Так, например, в 1849 г. из 380 тыс. четвертей хлеба, оставшегося у государственных крестьян и линейных казаков Ставропольской губернии, для поставки войскам было закуплено 120 тыс. четвертей, т. е. свыше одной трети. Следовательно, для вольной продажи на ярмарках и базарах могло поступить не более 260 тыс. четвертей²¹.

Для того чтобы представить себе, какое влияние оказывал на развитие зернового хозяйства Предкавказья такой фактор, как наличие по соседству крупных воинских континентов, достаточно привести некоторые данные, характеризующие потребность дислоцированных на Кавказе войск в продовольствии, в частности в хлебопродуктах.

Годовая потребность русских войск, находившихся в Закавказье в начале XIX в., определялась в 60 тыс. четвертей муки и 12 тыс. четвертей крупы²². Если же к 20 тыс. штыков и сабель, имевшихся в Закавказье, добавить столько же составлявших гарнизоны укреплений «Кавказской линии» (на Северном Кавказе), то общая потребность всех войск, дислоцированных на Кавказе, может быть определена примерно в 150 тыс. четвертей хлебопродуктов.

К концу 50-х годов XIX в. общая численность войск Кавказской армии достигла 200 тыс. штыков и сабель, т. е. в пять раз превысила количество войск, находившихся на Кавказе в начале столетия. Соответственно возросла и потребность в продовольствии, намного превысившая полмиллиона четвертей хлебопродуктов. При этом следует иметь в виду, что только войска, расквартированные в Закавказье, снабжались отчасти за счет местных заготовок хлеба путем закупки его у коренного населения. Войска же, расположенные и действовавшие на «Кавказской линии», обеспечивались и хлебом, и мясом, как правило, за счет закупок продовольствия у линейных казаков и государственных крестьян Степного Предкавказья, а также путем подвоза муки и крупы из внутренних губерний России.

По сведениям военных статистиков, в середине XIX в. примерно одна треть общей массы хлебопродуктов, потребных для войск «Кавказской линии», закупалась в Ставропольской губернии, а две трети составляли мука и крупа, привозимые из внутренних губерний. «Мясной порцией» войска «Кавказской линии» полностью снабжались за счет заготовок скота в пределах Степного Предкавказья.

Кроме подрядчиков и комиссионеров интендантского ведомства, постоянными покупателями хлеба в Предкавказье являлись кочевники-ногайцы и калмыки, а также закубанские горцы. Некоторая часть товарного зерна вывозилась из Ставропольской губернии в Прикубанье для продажи черноморским казакам.

Вследствие повышенного спроса цены на хлеб в Предкавказье постоянно держались на сравнительно высоком уровне. Так, например, в 1815 г. цена одного пуда ржаной муки составляла: в Кизляре — 1 руб. 55 коп., в Ставрополе — 1 руб. 30 коп., а в Москве — 30 коп. серебром²³. О состоянии цен на хлеб в Кавказской (Ставропольской) губернии в середине XIX в. дает представление следующая таблица²⁴ (см. стр. 141).

Напомним, что в эти же годы в Одессе цены на пшеницу колебались от 5 руб. до 5 руб. 50 коп., а несколько раньше, в середине 40-х годов, даже падали до 4 руб.²⁵ за четверть.

²¹ «Военно-статистическое обозрение Ставропольской губ.», стр. 196.

²² ЦГИА Грузинской ССР, ф. 4, оп. 1, д. 964, лл. 11—12. Отчет о деятельности интендантского ведомства на Кавказе за 1800—1812 гг.

²³ ГАСК, ф. 87, оп. 1, д. 597, л. 179. Ведомость о ценах на хлеб в Ставрополе за 1815 г.; П. А. Хромов. Экономическое развитие России в XIX—XX вв., М., 1950, стр. 16.

²⁴ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 3, д. 275, л. 55. Ведомость о торговых ценах за 1848 г. Там же, оп. 9, д. 101, л. 457. Ведомость о торговых ценах за 1856 г.

²⁵ «Журнал министерства внутренних дел», 1854, ч. 4, отд. III, стр. 44.

Высокие цены на хлебодукты стимулировали развитие торгового земледелия, распашку целинных степей, расширение посевов, особенно пшеницы. С каждым десятилетием возрастал удельный вес хлеба в общей массе товарной продукции сельского хозяйства Предкавказья. Уже не только гурты скота, но и обозы с зерном двигались по степным дорогам, по старому «Черкасскому тракту».

Цена одной четверти муки

Годы	ржаной		пшеничной	
	в Ставрополе	в Кизляре	в Ставрополе	в Кизляре
1848	3руб. 95коп.	—	6руб. 70коп.	—
1856	4руб. 63коп.	4руб. —коп.	7руб. 05коп.	6руб. —коп.

Однако если скот можно было отправлять для продажи за полторы и даже две тысячи верст, то сбывать хлеб надо было где-нибудь поближе. Везти его на волах из Ставрополя в Москву не представляло никакой выгоды — для покрытия транспортных издержек не хватило бы, пожалуй, всей вырученной суммы.

Итак, от потребляющих районов промышленного центра предкавказские степи были слишком удалены. Соседние степные губернии Подонья и Поволжья не нуждались в привозном хлебе. Оставалось одно — пользуясь близостью Азовского и Черного морей, экспортировать хлеб за границу. Но до конца 40-х годов XIX в. на восточном побережье Азовского моря не было ни одного порта, а расположенные на черноморском побережье Кавказа Новороссийск и Анапа находились в зоне военных действий и не являлись коммерческими гаванями. Ближайшими для Предкавказья портовыми городами являлись тогда Ростов-на-Дону и Таганрог. Туда и направлялись из глубин предкавказских степей обозы с зерном и овечьей шерстью. По официальным данным, в середине 40-х годов из Ставропольской губернии, области Черноморского казачьего войска и прилегавших к морю волостей Ростовского уезда ежегодно доставлялось в Ростов-на-Дону и Таганрог до 300 тыс. четвертей хлеба. Кроме того, из тех же районов в Ростов привозили ежегодно более 180 тыс. пудов овечьей шерсти, которую там же на берегу Дона мыли, а затем отправляли за границу²⁶.

Но путь от берегов Кубани, Кумы и Терека до устья Дона был тогда все-таки довольно далеким и неудобным, а транспортные расходы чрезмерно высокими. Ставропольским хлеботорговцам трудно было бороться со своими конкурентами, находившимися в более выгодных условиях в связи с близостью к приазовским портам.

Между тем в связи с отменой в 1846 г. хлебных законов в Англии на европейском рынке сложилась особенно благоприятная для русского хлеба конъюнктура. Экспорт хлеба из России увеличился, цены на него повысились. Перед хлеботорговцами Степного Предкавказья открылись широкие перспективы выхода на зарубежные рынки.

В этой обстановке еще острее стала ощущаться удаленность Предкавказья от портовых городов и морских путей. Наместник Кавказа князь М. С. Воронцов писал по этому поводу: «Кавказская область, нынешняя Ставропольская губерния, по обширному своему плодородию и быстро увеличивающемуся народонаселению, вошла в число мест, снабжающих в значительной степени отечественными произведениями отпускную торговлю нашу за границу через Азовское море. Главные ее продукты суть: пшеница, шерсть, кожи, льняное семя, коровье масло, говяжье сало и сурепные семена... В настоящее время Ставропольская губерния и Черноморие обращают всю свою торговлю к Ростову-на-Дону, и кавказские

²⁶ АКАК, т. X, № 658. Рапорт князя М. С. Воронцова от 12 января 1848 г.

торговцы и промышленники должны, по необходимости, сбывать там свои произведения часто по низким ценам, несмотря на издержки сухопутной доставки и трудную, несколько месяцев сряду, переправу через Дон. Эти обстоятельства ясно показывают, что торговля Ставропольской губернии и Черномории возросла бы в гораздо большей степени против нынешней, если бы она имела на берегу Азовского моря пункт, в котором сосредоточился бы привоз всех произведений»²⁷.

Таким пунктом, в котором бы мог быть устроен новый порт на Азовском море, Воронцов считал косу, прикрывающую Ейский лиман. «Суда,— писал он,— приходящие на Ейскую косу за рыбою, хлебом, шерстью, кожами, салом и другими произведениями, будут привозить железо, деготь, смолу, лес, вино, бакалею и разные предметы общественного продовольствия, в которых нуждаются Черноморие и Ставропольская губерния...»²⁸.

Ходатайство Воронцова увенчалось успехом. Указом царя от 6 марта 1848 г. был открыт порт и основан новый портовый город Ейск²⁹. Он сразу же перехватил значительную часть товарных потоков, устремлявшихся из предкавказских степей к Ростову-на-Дону, притянув к себе в особенности хлеб, шерсть и другие «произведения» Прикубанья и западных районов Ставрополя. О быстром росте экономического значения нового порта свидетельствуют следующие данные о его грузообороте³⁰.

Годы	Прибыло судов	Отбыло судов	Стоимость (в руб.)	
			привоза	вывоза
1850	92	87	72 816	49 148
1851	126	131	121 623	63 304

Однако и после открытия Ейского порта основная масса товарной продукции сельского хозяйства Степного Предкавказья, направлявшейся за границу, продолжала еще длительное время вывозиться через Ростов-на-Дону. Не так легко было освоить новые торговые пути и порвать традиционные рыночные связи. Лишь в пореформенный период, когда железная дорога Кавказская — Новороссийск открыла кубанскому и ставропольскому хлебу выход прямо к Черному морю, главный поток хлебных грузов из обширного степного края решительно повернул на запад.

Но роль Степного Предкавказья в экономической жизни страны не ограничивалась только тем, что этот край являлся «хутором России», продовольственной базой ее вооруженных сил на Кавказе и одним из поставщиков зерна и шерсти для ее внешней торговли. По мере расширения экономических связей и развития товарно-денежных отношений Степное Предкавказье все более становилось рынком сбыта промышленных изделий, производимых в центральных районах России.

Наличие в Предкавказье значительного слоя военной бюрократии и казачьей старшины обеспечивало сбыт таких промышленных товаров, которые служили тогда удовлетворению потребностей господствующего класса. Вместе с тем повышенному спросу на промышленные изделия способствовало преобладание в Предкавказье крестьян-новоселов, более обычного нуждавшихся в сельскохозяйственных орудиях, предметах домашнего обихода, одежде и пр. Немалое значение имел и тот факт, что подавляющее большинство местных крестьян являлись государственными, относительно менее связанными в своей хозяйственной деятельности крепостническим произволом.

²⁷ АКАК, т. X, № 658.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, № 660.

³⁰ Там же, № 665. Отношение кн. Воронцова к гр. Чернышеву от 23 июня 1852 г.

На деньги, вырученные от продажи скота и шерсти, государственные крестьяне и казаки Предкавказья приобретали привозимый из центральной России «красный товар» — ткани и галантерею. Более зажиточные покупали также и бакалейные товары (чай, сахар). Как всегда, население степного края предъявляло спрос на строительную и поделочную древесину, деревянную мебель и посуду.

По весьма приблизительным данным, относящимся к концу 40-х годов XIX в., только в пределы Ставропольской (Кавказской) губернии ежегодно привозилось:

На сумму	
Из России по суше	2 840 000 руб. сер.
в том числе:	
текстильных изделий	1 205 000 " "
бакален	700 000 " "
строительной и прочей древесины	400 000 " "
железных и чугунных изделий	200 000 " "
мебели, сундуков и т. п.	75 000 " "
посуды разной	50 000 " "
прочих товаров	210 000 " "
Из России морем ³¹	234 000 " "
Из Закавказья	120 000 " "
Всего привозилось товаров на сумму . . 3 194 000 руб. сер. ³²	

Таким образом, главные статьи привоза (по ценности) составляли ткани, бакалея, строительные материалы и металлические изделия. При этом большая часть промышленных товаров привозилась в Ставрополье по суше, т. е. по Черкасскому и Царицынскому трактам, преимущественно чумацкими обозами ³³.

Типичной для Предкавказья формой внутреннего обмена была в до-реформенный период ярмарочная торговля. Это объяснялось не только господством в стране феодальных производственных отношений, но и слабостью экономических связей степных окраин с Центральным промышленным районом вследствие дальности расстояния и плохих путей сообщения.

Еще с 1781 г. существовали ярмарки в Ставрополе и Георгиевске. Позднее открывались новые ярмарки в городах и крупных, преимущественно казенных, селениях.

О развитии ярмарочной торговли в пределах Кавказской (Ставропольской) губернии свидетельствуют следующие данные ³⁴ (см. стр. 144).

Таким образом, за два предреформенных десятилетия число ярмарок в городах и селах Кавказской (Ставропольской) губернии возросло почти вдвое, а их обороты более чем в два раза.

Недаром в губернаторских отчетах того времени подчеркивается, что «торговля противу прежних лет заметно увеличивалась» ³⁵.

³¹ До 1839 г. сообщение Предкавказья с Центральной Россией по Каспийскому морю осуществлялось через Шандруковскую пристань, а с этого времени, вследствие обмеления Кизлярского залива, — через вновь учрежденную Серебряковскую пристань, расположенную значительно севернее. В 1856 г. к Серебряковской пристани прибыло 259 судов с казенным провиантом для Кавказского корпуса и 517 судов с купеческим товаром (ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 9, д. 101, л. 370 об.).

³² «Военно-статистическое обозрение Ставропольской губ.», стр. 221.

³³ Царицынский тракт проходил от Ставрополя через Пелагиаду, Кугульту, Петровское и далее левым берегом р. Калаус.

³⁴ Таблица составлена по сведениям, выявленным в различных источниках, а именно: ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 1494, л. 2; ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, д. 887, л. 27; оп. 3, д. 275, л. 19; оп. 8, д. 184, л. 5; оп. 9, 101, л. 444; В. Крикунов. Крестьянская реформа 1861 г. в Ставропольской губ., Ставрополь, 1949, стр. 7 (данные о ярмарках 1860 г.).

³⁵ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, д. 887, л. 27. Отчет Ставропольского губернатора за 1846 г.

Конечно, сама по себе ярмарочная торговля является показателем недостаточно развитого товарно-денежного хозяйства, но в то же время быстрое увеличение числа ярмарок и рост их товарооборота свидетельствуют о развитии рыночных связей. В частности, открытие новых ярмарок в сельских районах доказывает проникновение товарно-денежных отношений в деревню и вовлечение в рыночные связи широких крестьянских масс.

Годы	Число ярмарок	Стоимость (в руб. сер.)	
		привезенных товаров	проданных товаров
1841	15	2 223 778	752 319
1846	20	1 846 525	915 619
1848	21	3 444 228	989 687
1853	25	3 000 749	1 241 670
1856	25	3 004 247	1 219 996
1860	28	св. нет	1 574 255

Из 25 ярмарок, имевшихся в Ставропольской губернии к середине XIX в., самой крупной являлась Покровская ярмарка в городе Георгиевске, происходившая ежегодно в «Покров день», т. е. 1 октября. В 1856 г. на эту ярмарку было привезено товаров на сумму 825 602 руб. и продано на 389 181 руб. Весной в Георгиевске бывала вторая ярмарка — «Николаевская» (с 9 мая). Ее обороты были вдвое меньшими. В 1856 г. на эту ярмарку привезли товаров на 350 576 руб. и продали на 154 754 руб.³⁶ Таким образом, всего во время двух ярмарок, состоявшихся в Георгиевске, было продано товаров на 545 тыс. руб., что составляло 45% общей стоимости товаров, реализованных в 1856 г. на всех ярмарках Ставрополья.

Ежегодно две ярмарки происходили в Ставрополе. В 1854 г. там открылась третья ярмарка³⁷. Самой оживленной из них бывала летняя ярмарка. Она устраивалась накануне уборки урожая и привлекала покупателей из самых отдаленных районов края.

В 1844 г. из 20 ярмарок Кавказской (Ставропольской) губернии 12 ярмарок устраивались в казенных селениях³⁸.

Самыми крупными из сельских ярмарок Ставрополья были³⁹:

Название ярмарки	Местонахождение	Стоимость (в руб.) товаров	
		привезенных	проданных
Никольская	с. Благодарное	200 360	75 660
Евдокиевская	с. Александровское	116 198	30 785
Успенская	с. Медведское	115 540	36 290

На сельских ярмарках торговали преимущественно скотом, хлебом, лесом, железом, шерстью, кожами, сельскохозяйственными орудиями⁴⁰.

Привозные промышленные изделия и бакалейные товары в большом количестве предлагались на городских ярмарках. Здесь покупали сахар, чай, табак, разные вина, хлопчатобумажные и шелковые ткани, мыло, сапоги, стеклянную и деревянную посуду и пр.⁴¹

³⁶ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 9, д. 101, л. 444. Отчет Ставропольского губернатора за 1856 г.

³⁷ Там же, оп. 8, д. 184, л. 8 об. Отчет о состоянии Ставропольской губернии за 1853 г.

³⁸ Там же, ф. 1268, оп. 1, д. 839, л. 12.

³⁹ Там же, оп. 9, д. 101, л. 444.

⁴⁰ Там же, оп. 1, д. 839, л. 20.

⁴¹ Там же, оп. 2, д. 887, л. 28.

Кроме городских и сельских, в Предкавказье имелись еще ярмарки в казачьих станицах. С 1794 г. существовали четыре ежегодные ярмарки в Екатеринодаре (в марте, июне, августе и октябре) ⁴². Позднее стали учреждаться ярмарки в крупных прикубанских станицах: Старо-Щербинской, Куцевской, Старо-Минской, Брюховецкой, Каневской, Березанской и др.

О росте ярмарочной торговли в земле Черноморского казачьего войска можно судить по следующим данным ⁴³.

Годы	По всем ярмаркам Черноморья	
	привезено товаров (в руб.)	продано товаров (в руб.)
1843	св. чет	394 145
1859	2 333 064	984 220

Таким образом, стоимость проданных на ярмарках Черноморья товаров увеличилась за 16 лет в два с лишним раза.

В станицах Линейного казачьего войска в середине XIX в. устраивалось ежегодно до 20 ярмарок с общим товарооборотом на сумму (по данным 1849 г.) до 639 382 руб. ⁴⁴.

Одной из крупных станичных ярмарок на Тереке была ярмарка в станице Наурской, происходившая ежегодно с 8 по 14 сентября. В 1837 г. на этой ярмарке побывало до 6500 человек и было продано товаров на общую сумму 39 027 руб. ⁴⁵. Среди проданных товаров первое место занимали (по ценности) текстильные изделия:

	На сумму
сукна	1 300 руб.
бумажные изделия (нанки, ситцы, сарпинки, бязи)	11 129 "
шелковые (атлас, парча, ленты)	2 429 "
холсты	5 418 "
Итого . . . 20 276 руб.	

Второе место в оборотах Наурской ярмарки принадлежало сельскохозяйственной продукции. В 1837 г. на этой ярмарке было продано:

	На сумму
крупного рогатого скота	12 148 руб.
лошадей	1 158 "
овец	547 "
пшеницы и ржи	1 149 "
Итого . . . на 15 002 руб.	

Помимо этого, на ярмарке было продано сахара на 150 руб., воска, мыла, бумаги писчей и табака на 355 руб., посуды на 147 руб., хрустальных изделий и зеркал на 211 руб. и т. п. Особую группу проданных товаров составляли так называемые «азиатские товары», привезенные на ярмарку из-за Терека горцами:

	На сумму
черкески или чекмени	1135 руб.
шаровары, башлыки, бурки	887 "

⁴² ГАКК, ф. 250, оп. 1, д. 21, л. 163. Позднее, в 30—40-х годах XIX в., в земле Черноморского войска насчитывалось около тридцати ежегодных ярмарок (см. В. А. Голобуцкий. Черноморское казачество, Киев, 1956, стр. 303).

⁴³ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1733, л. 316, а также д. 2294, л. 242.

⁴⁴ «Военно-статистическое обозрение Ставропольской губ.», стр. 220.

⁴⁵ ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 604, л. 16.

Горцами же было продано на ярмарке на 122 руб. разного делового леса. Не только крестьянское, но и казачье население Предкавказья втягивалось в рыночные связи, продавая преимущественно скот и покупая значительное количество промышленных, особенно текстильных, изделий. Неудивительно, что многие русские фабриканты сочли в 1837 г. выгодным послать свои ткани на ярмарки Предкавказья. В частности, именно на станичных ярмарках Прикубанья можно было видеть тогда ситцы Каретникова и Тюрина, нанку Морозова и Елисеева, сукна Горячкина и Попова, а также изделия других русских фирм Центрального промышленного района ⁴⁶.

Наряду с ярмарочной торговлей увеличивались обороты базарного торгова. Он происходил во всех городах, а также во многих крупных селениях и станицах на протяжении целого года, зимой и летом. По данным Кавказской областной палаты государственных имуществ, в 1844 г. в казенных селениях, помимо 12 ярмарок, регулярно действовало 5 базаров ⁴⁷.

Обычно базары устраивались два-три раза в неделю. Однако в некоторых пунктах, как, например, в станице Усть-Лабинской, они еще в 30-х годах XIX в. бывали ежедневными ⁴⁸, что свидетельствовало о значительном росте товарного обращения. К сожалению, если обороты ярмарочной торговли в какой-то мере учитывались официальной статистикой, то о размерах базарного торгова она не дает никакого представления. Поэтому о расширении базарной торговли приходится судить лишь по некоторым косвенным данным.

По мере развития товарно-денежных отношений в Предкавказье росло значение постоянной оптовой и розничной торговли в лавках, складах, лавках и магазинах. Еще в начале XIX в. в Кизляре имелось три рынка, три «гостиных дома» (отдельно для русских, армянских и татарских купцов), а также несколько постоянных лавазов и лавок, где «по малому количеству» продавались «бархаты, парчи, позументы, посредственные сукна, изредка кисея и полотно...» ⁴⁹.

В отчете Кавказского гражданского губернатора за 1841 г. говорилось: «Остающиеся от ярмарок товары составляют всегда предмет торговли здешнего купечества в постоянных лавках и удовлетворяют потребности жителей в течение целого года» ⁵⁰. Число лавок в городах Предкавказья неуклонно увеличивалось. Только в 1848 г. в Ставрополе было построено четыре каменных и 106 деревянных лавочных помещений ⁵¹.

Все, кому приходилось посещать в середине XIX в. города Предкавказья, отмечали усиление здесь коммерческой деятельности. «Кто посещает Кавказ, с приездом в Ставрополь, Пятигорск, Кисловодск, Владикавказ, Грозный и пр., видит города, оживленные торговлей и русской жизнью...», писал полковник де-Саже ⁵². «Теперь во Владикавказе найдете хорошие лавки, магазины и ...грузинские духаны с вином...», вторил ему другой путешественник в книге, изданной в 1847 г. ⁵³.

По данным военной статистики, в 113 станицах Кавказского линейного казачьего войска в 1849 г. насчитывались 302 постоянные лавки и 92 питейных дома ⁵⁴.

Расширение постоянной торговли в городах и селах Предкавказья было ярким показателем развития внутреннего рынка, возникновения условий для развития капиталистических отношений.

⁴⁶ ГАКК, ф. 331, оп. 1, д. 1070, лл. 36—40. Цит. по рукописи М. В. Покровского «Очерки социально-экономической истории адыгейских племен», стр. 278.

⁴⁷ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 839, л. 20.

⁴⁸ ГАКК, ф. 324, д. 165, л. 1.

⁴⁹ ХОАК, стр. 446.

⁵⁰ ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 1494, л. 19 об.

⁵¹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 3, д. 275, л. 17 об.

⁵² АКАК, т. XI, стр. 450.

⁵³ М. С. Руководство к познанию Кавказа, ч. 1, СПб., 1847, стр. 7.

⁵⁴ См. «Военно-статистическое обозрение Ставропольской губ.», стр. 166.

На протяжении дореформенного периода постепенно возрастало значение Степного Предкавказья как связующего звена в экономических отношениях России с горными районами Северного Кавказа.

По сравнению с Россией, в которой уже вызревали элементы новой буржуазной формации, уровень экономического развития горного Кавказа был низким. Земледелие в горах было развито слабо. Агротехника оставалась крайне примитивной. Сенокосение и стойловое содержание скота почти отсутствовали. Травосеяние не применялось. Скотоводство имело ярко выраженный экстенсивный характер. Основой его была исключительно естественная кормовая база: летом — в зоне высокогорных пастбищ, зимой — в речных или приморских долинах.

Общественное разделение труда у горцев еще не достигло значительной глубины. Процесс отделения ремесла от земледелия далеко не был завершен. В большинстве случаев домашние промыслы горских крестьян были неразрывно связаны с земледелием и скотоводством. В целом, за редкими исключениями, в горных районах Северного Кавказа господствовало натуральное хозяйство. Современники свидетельствуют, что «потребности черкесов были невелики», что у них «в каждой семье женщины занимались изготовлением почти всех предметов, необходимых в хозяйстве», выделывали грубые шерстяные ткани, валяли бурки, шили обувь из сыромятной кожи⁵⁵. Только в некоторых местностях ремесленная продукция производилась на продажу, как, например, оружие и ювелирные изделия в горном Дагестане. В целом же межобластной и межобщинный обмен в горах Кавказа в то время был развит слабо. Ярмарок не существовало. Поселений городского типа на всем пространстве горной части Северного Кавказа до середины XIX в. не имелось.

Этническая разобщенность, феодальная раздробленность, религиозные различия усугубляли замкнутость хозяйственной жизни кавказских горцев, изолировали их от других народов с более высоким уровнем экономического развития. Кавказские горцы действительно стояли тогда, как отмечал впоследствии В. И. Ленин, «в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории»⁵⁶.

Конечно, обитатели горного Кавказа не могли совершенно обойтись без экономических связей с внешним миром. Так, например, адыгейские племена Западного Кавказа вели торговлю с турками, вплоть до 1829 г. имевшими свои опорные пункты на Черноморском побережье Кавказа (в Анапе, Суджук-кале и др.). Эта торговля служила для кавказских горцев отдушиной, благодаря которой удовлетворялся их спрос на такие предметы, как соль, оружие и металлические изделия. Но горцам не легко было приобрести эти товары не только потому, что они не располагали, как правило, излишками продуктов, но и потому, что у них не было частую того, что интересовало турецких купцов. Последние являлись к берегам Кавказа по преимуществу за ценной древесиной, пушниной и рабами, а такого рода товары могли предложить им только представители местной феодальной и родовой знати, но не горские крестьяне.

Несколько иной характер приобретали торговые сношения между горцами и русскими переселенцами-крестьянами и казаками, осевшими в степях Предкавказья к северу от линии Кубань—Терек. Начало торговых отношений между русскими переселенцами и коренными обитателями Кавказа относится еще к XVI в., когда появились первые русские поселения на Тереке. Первые акты обмена были, разумеется, результатом случайных встреч горцев с их новыми соседями — гребенскими и терски-

⁵⁵ Ф. Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа, т. I, русск. перев. под редакцией А. В. Фадеева, Сухуми, 1937, стр. 58—59.

⁵⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 521.

ми казаками. Только много позднее обмен приобрел здесь характер более регулярных сношений.

В XVII в. центром меновой торговли с горцами являлся построенный русскими в Восточном Предкавказье город Терки. Кабардины, чеченцы, ингуши, аварцы и др. пригоняли сюда рогатый скот, лошадей, привозили хлеб, овчины, ковры и пр., выменивая их на металлические изделия, суна и «мягкую рухлядь», т. е. ценные меха⁵⁷. В первой половине XVIII века главными пунктами торговли с горцами были новые русские города на Тереке—Кизляр и Моздок, где казаки выменивали у горцев пшено, бурки, папахи и пр. на соль, рыбу, икру, а русские и армянские купцы сбывали горцам привезенные из России хлопчатобумажные ткани, железо, чугун, свинец и т. д.⁵⁸

В 1765 г. кабардинцы и кумыки были освобождены от уплаты пошлин «при продаже собственных произведений и скота», а также «при покупке товаров в Кизляре»⁵⁹. Однако, с другой стороны, царизм стремился взять под свой контроль развившуюся торговлю с горцами и извлечь из нее максимальную выгоду. С этой целью в 1780 г. были указаны только три пункта для меновой торговли с кабардинцами—Екатеринодар, Георгиевск, и Ставрополь⁶⁰. Специальные пункты для торговли с закубанскими черкесами были указаны и черноморским казакам после переселения их в 1792 г. на Кубань. В этих пунктах затем оборудовали так называемые «меновые дворы».

Стремление царского правительства к регламентации торговых сношений русских переселенцев с коренным населением Кавказа нашло яркое выражение в особом Положении о торговле с горцами, утвержденном в 1810 г.⁶¹ В порядке реализации этого Положения в 1811 г. на «Кавказской линии» (к востоку от Черноморской кордонной линии) были открыты пять меновых дворов (в Усть-Лабинской, Овечьем броде, Константиногорской, Прохладной и Наурской) и соляной магазин во Владикавказе⁶².

Их обслуживали пять чиновников-смотрителей и 41 служитель, получавшие жалованье от казны.

Деятельность этих меновых дворов за 1811—1819 гг. нашла отражение в следующей таблице⁶³ (см. стр. 149).

Кроме соли, в указанные меновые дворы в 1811—1819 гг. было завезено 335 четвертей проса, из которых променено и продано 319 четвертей.

В итоге за первое десятилетие (1811—1820 гг.) существования пяти названных меновых дворов и Владикавказского соляного магазина от продажи и промена горцам соли и проса было выручено 348 641 руб. 31 коп., из которых отправлено Кавказскому губернатору, т. е. сдано в доход казны, 299 461 руб. 79 коп. Остальная сумма, за исключением 3814 руб. 14 коп., находившихся в кассах меновых дворов к моменту ревизии, была «употреблена на местные издержки»⁶⁴. Фактически же значительная часть этой суммы была расхищена чиновниками. Ревизоры, проверявшие отчетность по Прохладненскому меновому двору, докладывали, что за 1811 г. «книг и документов не оказалось», а за 1812 г. «книга не в надлежащей исправности и многих приходных и расходных до-

⁵⁷ «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», М., 1955, стр. 915; См. также Р. Г. Маршаев. Сношения Кайтага и Казикумуха с Русским государством в первой половине XVII в., М., 1954, стр. 9.

⁵⁸ Государственный архив Северо-Осетинской АССР, ф. Кизлярского коменданта, св. 23, л. 378 и сл.

⁵⁹ П. Г. Бутков. Материалы по новой истории Кавказа, т. III, СПб., 1869, стр. 104.

⁶⁰ АКАК, т. II, стр. 1112.

⁶¹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 782а, лл. 106—112. Справка о меновой торговле.

⁶² ГАСК, ф. 87, д. 695, л. 5. Ведомость о состоянии меновых дворов в 1816 г.

⁶³ Там же, ф. 79, оп. 1, д. 81, л. 101. Отчет о меновых дворах с начала учреждения оных на Кавказских линиях (т. е. с 1811 г. по 1 сентября 1819 г.).

⁶⁴ Там же, л. 348. Итоговая ведомость учета меновым суммам с 1811 по 1820 г.

кументов не имеется»⁶⁵. Не лучше обстояло дело и на других меновых дворах. У смотрителя Овечьегородского двора Лучкина в 1812 г. не хватило 262 пуда 16 фунтов соли га сумму 392 руб. 60 коп., у смотрителя Константиногорского двора Ильинского в 1813 г. «не показано» было по ведомостям 200 руб. 28 коп., присвоенных или растроченных им, у смотри-

Местонахождение меновых дворов	Привезено соли (в пуд.)	Продано или променено соли	Поступило денег (в руб.)
Наурская	1 500	1 084	1 294
Прохладная	70 129	61 979	86 238
Константиногорская	34 139	33 202	44 695
Овечий брод	80 358	74 134	108 905
Усть-Лабинская	39 735	20 918	34 828
Итого . . .	225 861	191 318	275 960
Владикавказский соляной магазин	42 651	30 006	49 212
Всего	268 512	221 324	325 172

теля Усть-Лабинского двора Миллера «не явилось», как деликатно выразились ревизоры, 246 пудов 24 фунтов соли на сумму 369 руб. 90 коп.⁶⁶. Примеры эти можно было бы умножить, но и приведенные факты достаточно иллюстрируют истинное положение дел на казенных меновых дворах.

И напрасно суровый «проконсул Кавказа» А. П. Ермолов, указывая Кавказскому губернатору на недопустимость задержки «отчета о меновой сумме», грозил ему, что «всякое по предмету сему упущение и самый даже недостаток означенной суммы, произойти через то могущий, останутся на собственной вашей ответственности»⁶⁷. Меновые дворы продолжали служить источником легкой наживы для корыстолюбивых царских чиновников, беззастенчиво обманывавших и доверчивых горцев и государственную казну.

Помимо названных выше меновых дворов, находившихся в пределах Кавказской области (Ставропольской губернии), существовало еще пять «войсковых» меновых дворов на Кубани, в земле Черноморского казачьего войска: Екатеринодарский, Малолагерный, Редутский, Великолагерный и Новоекатеринославский⁶⁸. В 1846 г. по всем этим пяти дворам было отпущено горцам 15 638 пудов соли⁶⁹.

В 1845 г. наместник царя на Кавказе кн. М. С. Воронцов представил в Петербург проект расширения меновой торговли с горцами. Согласно этому проекту некоторые меновые дворы должны были быть перенесены из небольших кордонных укреплений в города: Кизляр, Моздок, Пятигорск, что дало бы возможность привлечь к торговле с горцами «русских промышленников». Предлагалось также, чтобы, помимо соли, к продаже и промену горцам на меновых дворах допускались «медные изделия, фаянсовая и фарфоровая посуда, стекло, зеркала, чай, сахар, пряности, холст, железные изделия, земледельческие орудия, бумажные и шелковые изделия» и другие товары, за исключением «огнестрельного и белого оружия, селитры, серы, пороху, свинцу...»⁷⁰.

⁶⁵ ГАСК, ф. 79, оп. 1, д. 81, л. 263. Отношение Кавказской казенной палаты от 16 ноября 1821 г.

⁶⁶ Там же, л. 352.

⁶⁷ Там же, л. 252. Отношение главнокомандующего на Кавказе ген. А. П. Ермолова от 12 декабря 1820 г.

⁶⁸ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, д. 963, л. 23. Отношение кн. Воронцова от 12 мая 1848 г.

⁶⁹ Там же, л. 23 об.

⁷⁰ Там же, ф. 1268, оп. 1, д. 782а, л. 59. Проект Положения о меновой торговле с горцами, представленный кн. Воронцовым 31 октября 1845 г.

Несмотря на возражения некоторых царских сановников, считавших, что торговля с горцами не может иметь «благодетельных последствий», Кавказский комитет одобрил, а царь 9 февраля 1846 г. утвердил «Положение о меновой торговле с горцами по Кавказской линии», в основу которого был положен указанный проект ⁷¹.

Для общего надзора за деятельностью казенных меновых дворов на Кавказской линии была учреждена должность Главного попечителя меновых сношений с горцами, непосредственно подчиненного кавказскому наместнику.

Спустя два года Положение 9 февраля 1846 г. было распространено и на территорию Черноморского казачьего войска. Однако при этом за последним было сохранено монопольное право продажи горцам соли на войсковых меновых дворах ⁷².

Конечно, меновые дворы были не единственным каналом, по которому развивалась торговля с горцами в Предкавказье. Еще в начале XIX в., по мнению весьма осведомленных авторов, фактические обороты торговли с горцами по меньшей мере втрое превышали сумму, которой определялись размеры этой торговли в официальных источниках ⁷³.

До 1846 г. горцы могли приобрести на казенных меновых дворах только соль и изредка просо. Между тем они предьявляли спрос на различные промышленные изделия. Начальник Черноморской береговой линии ген. Н. Н. Раевский в 1839 г. сообщал: «Во всех укреплениях горцы настоятельно просят о доставлении им холста, сафьяна, турецких шелковых и бумажных тканей и о покупке у них кур, воска, меда, мехов и бараньего сала» ⁷⁴.

Поэтому возле многих кордонных укреплений стихийно возникал меновой торг, который с течением времени приобретал форму регулярно действовавших базаров. Их называли на Кавказе «сатовками» (от турецкого «сатма» — продажа). На таких базарах горцы «везде беспечно бродили между русскими, как русские мужики» ⁷⁵. Население ближайших к «сатовкам» горских аулов заметно увеличивалось. Так, например, после того как был открыт базар близ укрепления Воздвиженского в Чечне, население окрестных чеченских аулов «выросло втрое, десятки семей переселились ближе к крепости» ⁷⁶.

Не удовлетворяясь тем, что они могли приобрести от русских солдат и казаков на «сатовках», горцы настоятельно просили о допуске их к участию в ярмарках и базарах, происходивших во внутренних районах Предкавказья. Так, еще в 1793 г. закубанские черкесы из племени хатукай просили, «чтобы позволено было купечеству людям из нашей стороны переезжать в российские места для торгового промысла» ⁷⁷. В 1814 г. кабардинцы обращались к Кавказскому гражданскому губернатору с просьбой о «позволении им... ездить по городам российских губерний для покупки всего им нужного и для продажи изделий и продуктов своей земли» ⁷⁸. В 1827 г. абадзехские старшины, «отказавшись совершенно от повиновения паше Анапскому», просили русских военных администраторов о «пропуске за Кубань всех припасов, в каких они будут иметь нужду» ⁷⁹.

⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 782а, л. 112. Положение о меновой торговле с горцами по «Кавказской линии».

⁷² Там же, оп. 2, д. 963, лл. 30—32. Доклады кн. Воронцова от 12 мая 1848 г.

⁷³ С. Броневский. Новейшие известия о Кавказе, ч. II, М., 1823, стр. 145.

⁷⁴ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 134, ч. IIб., л. 113. Рапорт ген. Раевского от 9 марта 1839 г. Ср. АКАК, т. IX, стр. 475.

⁷⁵ ГААК, ф. 260, оп. 1, д. 177, л. 7. Рапорт коменданта крепости Анапа от 10 января 1842 г.

⁷⁶ «Военный сборник», 1859, стр. 543.

⁷⁷ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 248, л. 16. Перевод письма хатукайского князя Керменоглу (препроводительное отношение от 30 июля 1793 г.).

⁷⁸ ГАСК, ф. 87, оп. 1, д. 351, л. 1. Отношение Кавказского гражданского губернатора от 4 ноября 1814 г.

⁷⁹ Там же, ф. 79, оп. 1, д. 4330, л. 20.

Посредниками между горцами и русским населением Предкавказья чаще всего бывали торговцы из горских армян, получавшие от русской военной администрации специальные пропуска на провоз товаров через карантинные заставы «Кавказской линии». Однако нередко разрешения на провоз товаров добывались и сами горцы, особенно из числа жителей так называемых «мирных аулов»⁸⁰.

Горцев можно было встретить на ярмарках и базарах в Ставрополе и Георгиевске, Пятигорске и Моздоке и в других населенных пунктах Предкавказья. Многие из них посещали в 40-х годах XIX в. Екатеринодарские ярмарки на Кубани. Только в период так называемой «Покровской» ярмарки, происходившей в Екатеринодаре с 25 сентября по 2 октября 1845 г., здесь побывало свыше 1100 закубанских черкесов. Они привезли товаров на сумму 2550 руб. серебром и вывезли на 2500 руб. серебром⁸¹.

Корреспондент газеты «Кавказ» так описывал эту ярмарку: «В продолжение более недели непрерывные обозы арб и караваны выюков тянулись от Кубани к Екатеринодару, и закубанцы в значительных массах народа безоружного, смиренного, промышленного, работающего...рисовались на первом плане ярмарки. Можно было сказать, что горцы, слагая с себя на кордонной черте оружие, делались совершенно мирными промышленниками... При закате солнца, оканчивая торговые хлопоты, они составляли шумные круги для игр и забав в собственном вкусе...»⁸². В следующем, 1846 г., во время двух Екатеринодарских ярмарок горцами было привезено товаров на 13 842 и вывезено за Кубань на 12 779 руб. сер.⁸³

Характер торговли с горцами нетрудно выяснить, ознакомившись с годовыми ведомостями карантинных застав, где регистрировались все товары, привозившиеся легально через «Кавказскую линию». Так, например, в 1845 г. через Невинномысскую карантинную заставу было привезено от закубанских черкесов⁸⁴:

Наименование товара	Количество	На сумму	
		руб.	коп.
Овчины	2 303 шт.	690	90
Кожы воловьи	583 "	1 166	
Черкески	255 "	637	
Бурки	365 "	547	50
Масло коровье	158 пуд.	632	
Сало	63	163	
Корыта деревянные	4 353 шт.	1 305	90
Лопаты	1 498 "	224	70
Лес деловой	3 487 "	10 461	
Прочие товары		350	
Итого . . .	--	16 179	--

В общей массе привозимых от горцев товаров преобладали лесоматериалы и деревянные изделия. В ведомостях других карантинных застав также фигурируют дрова, деревянные обручи, сохи⁸⁵, колеса, оси и ободья для колес, доски, брусья⁸⁶. Как видно, эти предметы пользовались большим спросом со стороны русских новоселов в безлесных районах Степного Предкавказья.

⁸⁰ Впрочем, на Екатеринодарской ярмарке, например, бывали и так называемые «немирные», т. е. не принявшие русского подданства черкесы. ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 782а, л. 65.

⁸¹ Там же, Рапорт ген. Рашиля от 2 октября 1845 г.

⁸² «Кавказ», 1846, № 28. «Черкесские ярмарки в Екатеринодаре».

⁸³ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, д. 963, л. 24.

⁸⁴ Там же, д. 305, л. 54.

⁸⁵ Там же, лл. 46—47.

⁸⁶ Там же, л. 53.

Большое место среди товаров, проходивших через карантинные заставы, занимали продукты животноводства и кустарные изделия из шерсти (овчины, бурки, башлыки, черкески). Довольно часто можно было встретить среди привозимых от горцев товаров мед, воск⁸⁷, груши, яблоки⁸⁸.

О том, какие товары продавались горцам на ярмарках и базарах Степного Предкавказья и вывозились за Кубань и Терек в горные районы Северного Кавказа, дает представление ведомость той же Невинномысской карантинной заставы за 1845 г.⁸⁹. (См. табл.).

Наименование товара	Количество	На сумму		Наименование товара	Количество	На сумму	
		руб.	коп.			руб.	коп.
Просо	11 438 мер.	2287	60	Коленкор	12 шт.	84	—
Пшено	10 "	5	—	Сарпинка	9 "	76	50
Пшеница в зерне	2220 "	666	—	Холстинка	4 "	22	—
Ячмень	123 "	24	60	Платки бумажные	26 "	10	40
Мука пшеничная	8 пуд.	2	40	Платки пуховые	14 "	14	—
Бязь	86 шт.	51	60	Одеяла	6 "	6	—
Бурмет	50 "	35	—	Ластик	5 "	35	—
Кумач	36 "	25	20	Матрабас	2 "	14	—
Миткаль	33 "	140	25	Аладжа	26 "	10	40
Холст	35 "	52	50	Сукно красное	1 "	35	—
Ситец	27 "	189	—	Полушелковый паплин	1 "	2	—
Нанка	11 "	55	—				

Наименование товара	Количество	На сумму	
		руб.	коп.
Кисея	2 шт.	8	—
Козловые шкуры	11 "	11	—
Кошачьи меха	6 "	30	—
Заячьи "	4 "	16	—
Косы сенокосные	18 "	10	80
Серебро в нитках	21 золотн.	6	30
Сундуки	11 шт.	16	50
Калмыцкий чай	4 "	6	—
Ал-Кораны	11 книг	33	—
Итого вывезено	—	4222	15

Как видно из ведомости, значительная доля вывоза приходится на хлебопродукты. Вывоз горцами хлебопродуктов из районов русской колонизации отмечается и в ведомостях других карантинных застав. Через Усть-Лабинскую заставу, например, помимо проса и пшеницы, вывозилась в 1845 г. также рожь в зерне и ржаная мука⁹⁰.

Значительное место среди вывозимых к горцам товаров занимали по всем карантинным заставам Кавказской линии фабричные хлопчатобумажные ткани. Часто встречались металлические и стеклянные изделия⁹¹.

Обращает на себя внимание вывоз к горцам писчей бумаги, белил, стеариновых свечей, стекла, а также чая, сахара, табака⁹². Это, безусловно, было показателем известного роста потребностей, если не всей массы горцев, то, по крайней мере, горской феодальной знати и общинной аристократии.

⁸⁷ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, д. 963, л. 47.

⁸⁸ Там же, л. 50.

⁸⁹ Там же, л. 81—82.

⁹⁰ Там же, л. 85.

⁹¹ Там же, лл. 85—86.

⁹² Там же, оп. 1, д. 203, лл. 97—98.

Из вышеприведенных данных за 1845 г. видно, что стоимость привозимых от горцев товаров превышала стоимость вывоза. Об этом же свидетельствуют и данные за последующие годы. Так, например, согласно ведомости Невинномысской карантинной заставы за 1848 г. было:

На сумму	
привезено от горцев товаров	13 144 руб. 55 коп.
вывозено к горцам	10 376 „ 00 „ ⁹³

Конечно, отчасти это являлось выражением неэквивалентного обмена. Чиновники карантинных застав оценивали вывозимые товары ниже, чем эти же товары обходились приобретающим их покупателям. Но, с другой стороны, пассивное сальдо объяснялось и тем, что в 30—40-х годах XIX в. горцы охотно продавали свои товары на рынках Предкавказья за русские деньги и отнюдь не спешили тратить их на базарах и ярмарках. В результате известная часть вырученной ими серебряной монеты уходила за линию Кубань—Терек, причем этот факт, разумеется, не мог быть отмечен ни в карантинных ведомостях, ни в каких-либо других официальных источниках.

Один из русских военных администраторов в 1839 г. сообщал, что «горцы Западного Кавказа узнали теперь цену деньгам и потому охотнее продают свои произведения на деньги, нежели на вымен товаров...»⁹⁴. Тогда же другой русский генерал писал из Чечни: «Ежегодно до 40 тыс. горцев приходили на линию [Сунженскую. — А. Ф.] для сбыта своих продуктов, и звонкая монета усиливалась в обращении»⁹⁵.

Это свидетельствовало о том, что под влиянием экономического сотрудничества с русскими в хозяйственной жизни кавказских горцев происходят значительные перемены. Проникавшие в горные аулы товарно-денежные отношения взламывали вековую замкнутость хозяйств и патриархальные формы общественного быта.

Очень важно отметить разницу, существовавшую между меновой торговлей горцев с турками на Кавказском побережье, и торговыми сношениями горцев с русскими в Предкавказье. Дело в том, что приезжавшие к берегам Кавказа турецкие купцы выменивали на соль и ремесленные изделия ценную древесину (самшит, тисс), меха, кожи, но охотнее всего приобретали «живой товар» — рабов и рабынь. Они в первой половине XIX века контрабандным способом вывозили с берегов Абхазии и Черкесии обращенных в рабство людей⁹⁶.

Вполне понятно, что продажей в рабство пленников, захваченных во время разбойничьих набегов, могли заниматься преимущественно представители горской феодальной знати. Только они могли заготовить в горных ущельях самшитовую древесину и свезти ее на берег моря, используя для этого рабочую силу подвластных им крестьян. Горские крестьяне в очень малой степени участвовали в меновой торговле с турками, поскольку продукты их мелкого хозяйства и домашних промыслов не имели спроса со стороны турецких купцов. «Князья и дворяне с каждым днем увеличивают число рабов, рыская по территории, занятой русскими, рабы — это источник обогащения для рабовладельцев, они продают их туркам...», писал в 30-х годах XIX в. Дюбуа де Монперэ в своем «Путешествии вокруг Кавказа»⁹⁷.

Меновая торговля с турками, обогащая горских феодалов, не содействовала развитию производительных сил, а, наоборот, тормозила это развитие, консервируя самые отсталые формы производства.

⁹³ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 203, л. 98.

⁹⁴ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 1396, оп. 1, д. 69, л. 8. Рапорт ген. Ольшевского от 3 сентября 1839 г.

⁹⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6438, л. 14. Докладная записка ген. Пулло «О положении дел на левом фланге Кавказской линии с 1834 по 1840 гг.».

⁹⁶ Ф. Дюбуа де Монперэ. Указ. соч., т. I, стр. 122.

⁹⁷ Там же, стр. 40.

Напротив, торговые сношения с русскими поддерживали не только горские феодалы, но и крестьяне. Продукты местного крестьянского хозяйства и домашнего производства пользовались большим спросом со стороны русских новоселов. На ярмарках и базарах Предкавказья русские крестьяне и казаки охотно покупали у горских крестьян масло, сало, сыр, шерсть, бурки, башлыки, черкески, а также деревянные вилы, лопаты, сохи, жерди, корыта и многое другое, что обычно производилось, выделявалось, изготовлялось чуть ли не в каждой горской сакле. К тому же и русские текстильные изделия — фабричные ситцы, миткали, сарпинки и пр., были гораздо дешевле, а потому доступнее горским крестьянам, чем дороге турецкие шали и парчи. Поэтому торговые сношения с русскими гораздо более отвечали интересам широких масс горского крестьянства, чем меновая торговля с турками. Следовательно, и влияние торговли с русскими на экономическую жизнь горцев было более глубоким, более существенным. Через хозяйственное общение с русскими переселенцами в Предкавказье горское крестьянство втягивалось в сферу всероссийского рынка, а затем и мирового хозяйства.

В то же время это общение трудящихся горцев с трудовой массой русских переселенцев имело и другие важные последствия. Под влиянием русских крестьян, поднимавших целину в предкавказских степях, земледельческая культура стала шире распространяться и в предгорной зоне Северного Кавказа.

Кабардинцы заимствовали от русских крестьян более совершенные приемы полеводства, стали применять неизвестные им ранее озимые посевы, начали возделывать в больших масштабах почти незнакомые им прежде культуры — пшеницу, кукурузу. Семена для посева они покупали или получали в подарок от русских крестьян⁹⁸. Современники отмечали, что с 30-х годов XIX в. «кабардинцы начали приметно более заниматься хлебопашеством», что они «стали сеять хлеб вместо одного проса, иные завели даже плуги, сакли и усадьбы их улучшились и вообще хозяйство многих кабардинцев стало приближаться к русскому»⁹⁹.

От русских переселенцев кабардинцы, осетины и другие народы Северного Кавказа переняли многие овощные культуры, в частности капусту, огурцы, помидоры, редьку, а также картофель¹⁰⁰. Характерно, что муллы, которые проповедовали «газават» и запрещали мирные сношения с русскими, уверяли чеченцев, что тот, кто будет употреблять в пищу картофель, утратит смуглый цвет лица, побледнеет и смешается с русскими, а значит, потом будет взят в солдаты¹⁰¹.

Под влиянием общения с русскими переселенцами и вовлечения в рыночные связи с Россией стали в большей мере заниматься земледелием и кочевники-ногайцы, что стимулировало переход их к оседлости. Пристав Корнилов в 1800 г. доносил, что «ногайцы с недавнего времени стали сеять пшеницу, ячмень и овес»¹⁰². Официальная статистика 40-х годов XIX в. уже выделяла из общей массы ногайцев «оседлых и временно-кочующих», каких в 1849 г. насчитывалось в Ставропольской губернии 26 781 человек, или 30% ко всей численности ногайского населения¹⁰³.

Заимствования в сфере сельскохозяйственного производства неизбежно вели к переменам и в области транспорта, домашнего обихода, костюма. Постепенно в горских аулах появлялись русского типа жилые дома, русские печи (кабардинцы называли их «урысхьэку»), железные кровати.

⁹⁸ Т. Х. Кумыков. О прогрессивном значении добровольного присоединения Кабарды к России. «Сборник статей по истории Кабарды», вып. 4, Нальчик, 1955, стр. 77.

⁹⁹ «Русский вестник», т. XXVII, 1860, стр. 366.

¹⁰⁰ М. С. Тотоев. К истории дореформенной Северной Осетии, Орджоникидзе, 1955, стр. 102.

¹⁰¹ АКАК, т. XII, стр. 84.

¹⁰² ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 1, л. 6.

¹⁰³ «Военно-статистическое обозрение Ставропольской губ.», табл. № 3.

Рядом с арбой можно было встретить четырехколесную с железной осью русскую телегу или бричку. Даже в языке горцев появилось много новых слов, воспринятых из русской речи, — печь, стол, самовар, бричка, чай, стропила, рейка, рама и др.¹⁰⁴

Корреспондент газеты «Кавказ» в 1848 г. писал из Ставрополя: «Кабардинцы особенно легко принимают у себя в хозяйстве всякое полезное нововведение и, по общему замечанию, отличаются охотою к хозяйственным занятиям и стремлением к просвещению. Свободные жители губернии — казаки, отставные солдаты, мещане ездят в Кабарду к князьям и богатым узденям на работы, строят им дома, мельницы, конюшни, разводят сады, делают мебель, посуду и разные полезные вещи, жители с любопытством смотрят на их работу и слушают их наставления и замечания...»¹⁰⁵. Свидетельство это не требует комментариев. Стоит лишь подчеркнуть, что все это происходило в 40-х годах XIX в., в разгар так называемой «Кавказской войны» и в период наивысшего подъема мюридистского движения.

Один из вожakov мюридистского движения на Западном Кавказе наиб Шамиля Мухаммед-Эмин признавался, что «до признания власти его над собой черкесы жили в такой дружбе с русскими, что во многих местах пахали землю рядом с ними». Он хвалился при этом, что «своими духовными наставлениями успел разделить то слияние между ними, до которого оставался уже небольшой переход»¹⁰⁶.

Царизм осуществлял на Северном Кавказе, как и в других национальных районах, великодержавную, антинародную политику, насаждая колониальный режим и жестоко угнетая трудящиеся массы коренного населения, но колонизаторские мероприятия царского правительства не имели ничего общего с трудовой деятельностью русского народа по освоению малонаселенных предкавказских степей. Русская и украинская колонизация Степного Предкавказья была в значительной мере крестьянской, земледельческой колонизацией. В этом ее отличие, например, от английской колонизации в Индии. Индийские крестьяне никогда непосредственно не общались с трудящимися Англии. Они знали лишь представителей господствующих классов Британской империи. Кавказские же горцы, хотя и терпели чудовищные притеснения со стороны царских колонизаторов, нередко пахали землю рядом с русскими крестьянами, работали вместе с русскими батраками у помещиков и кулаков, приходили в русские города в поисках заработка или для обмена своих продуктов на русские промышленные изделия.

Одновременно русские и украинские казаки и крестьяне не только заимствовали от коренного населения края выведенные им породы скота и сельскохозяйственные культуры, но и перенимали от кочевников и соседних горцев различные принадлежности костюма, конской упряжи, вооружения, усваивая вместе с тем и местную терминологию. Л. Н. Толстой писал о гребенских казаках: «Живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев...»¹⁰⁷. Он подчеркивал, что казак «уважает врага-горца» и что присущее казаку «щегольство в одежде состоит в подражании черкесу», даже «казачки носят одежду черкесскую»¹⁰⁸.

Длительное взаимное общение черноморских и линейных казаков с закубанскими и затеречными горцами послужило основой для распространения среди них «куначества» — этого своеобразного кавказского побратимства. «Еще до сих пор казацкие роды считаются родством с чеченскими...», — отмечал Л. Н. Толстой в середине XIX в.

¹⁰⁴ М. С. Тогоев. Указ. соч., стр. 50; Т. Х. Кумыков. Указ. соч., стр. 76.

¹⁰⁵ Газета «Кавказ», № 22, 1848. «Краткий очерк Ставропольской губернии в промышленном и торговом отношении».

¹⁰⁶ «Кубанский сборник», т. X, стр. 81.

¹⁰⁷ Л. Н. Толстой. Казаки, М., 1953, стр. 16—17.

¹⁰⁸ Там же, стр. 16.

Итак, если русские переселенцы использовали положительный производственный опыт коренного населения Северного Кавказа, то и оно в свою очередь заимствовало более совершенные формы и методы ведения хозяйства у своих новых соседей. Взаимное общение трудовых масс коренного и пришлого населения способствовало успешному хозяйственному освоению предкавказских степей и подрыву патриархальной замкнутости экономической жизни кавказских горцев.

* * *

Приведенный материал с полной убедительностью показывает, что расширение меновой торговли русских переселенцев с кавказскими горцами имело определенные положительные последствия для тех и других.

Конечно, это вовсе не означает, что торговля с горцами в Предкавказье и на Кавказской линии была лишена каких-бы то ни было колониальных черт. Наоборот, и царские чиновники на меновых дворах и русские купцы на ярмарках и базарах всячески старались обмануть неискушенных в коммерческой деятельности горских крестьян, сбыть им недоброкачественный товар, продать его по заведомо завышенной цене или получить купленные товары в обмен на безделушки. Отдаленность Кавказа от промышленных центров России, изоляция кавказских горцев от экономически развитых европейских стран, большие различия в технике производства и производительности труда между российской фабричной промышленностью и местными кустарными промыслами, громадная разница цен в центральных районах империи и на ее окраинах — все это создавало благоприятные возможности для неэквивалентного обмена. Неравноправное положение сторон, обусловленное национальным угнетением кавказских народов и великодержавной направленностью политики царизма на Кавказе, усиливало колониальные черты торговли с горцами.

Даже некоторые чины высшей военной администрации Предкавказья, характеризуя торговлю с горцами, признавали отсутствие «справедливости в удовлетворении их интересов»¹⁰⁹ и «спекуляцию со стороны смотрителей меновых дворов»¹¹⁰.

Неэквивалентный обмен и связанные с ним злоупотребления обеспечивали исключительно высокую прибыль. По свидетельству современника, армянские купцы из Кизляра еще в начале XIX в. принимали активное участие в торговле с горцами, обитавшими за Тереком, потому что эта торговля давала им прибыль «на один рубль 50 процентов»¹¹¹.

Известный на Кубани спекулянт-откупщик Александр Посполитаки, тесно связанный с верхушкой черноморского казачества, в 1828 г. закупил у бывшего анапского паши 10 тыс. пудов соли и тотчас стал продавать ее черкесам по 1 руб. 20 коп. за пуд.¹¹²

Эти и многие другие факты дают основание считать, что торговля с кавказскими горцами являлась одним из источников накопления капиталов в дореформенной России.

Русская буржуазия была непосредственно заинтересована в освоении Предкавказья и в последующем включении всего Кавказа в систему всероссийского рынка. Присоединение к России Грузии и Северного Азербайджана создало благоприятные условия для развития русской торговли с Кавказом, а также с Ираном и Азиатской Турцией. Уже к 20-м годам XIX в. Иран и Азиатская Турция выдвинулись на первое место по сравнению с Китаем и Средней Азией в качестве рынков сбыта для рус-

¹⁰⁹ ГАКК, ф. 324, д. 46, л. 2. Предписание ген. Эммануэля от 5 января 1827 г.

¹¹⁰ Там же, ф. 261, д. 736, л. 33. Рапорт ген. Рапила от 2 июля 1845 г.

¹¹¹ ХОАК, стр. 447.

¹¹² ЦГИАМ, ф. III отд., I эксп., 1828 д. 416, л. 13. Цит. по статье К. В. Сивкова «Эпизоды из истории колониального ограбления Кавказа» (журнал «Борьба классов», 1936, № 8, стр. 35). Цена одного пуда соли на казенных меновых дворах «Кавказской линии» в то время составляла 50 коп. (см. Ф. А. Щербина. История Кубанского Казачьего войска, Екатеринбург, 1913, стр. 589).

ских хлопчатобумажных изделий¹¹³. Не случайно в это время Тифлис и Баку усиленно стали посещать представители шуйских, ивановских и московских текстильных фирм. Они энергично искали новых рынков сбыта на Кавказе и за Кавказом, так как рамки внутреннего рынка в России по-прежнему были крайне ограничены и стеснены господством крепостного права.

Притязания отечественной буржуазии поддерживал министр финансов Е. Ф. Канкрин, который еще с 1827 г., называя Закавказье «нашей колонией», добивался отмены установленного в 1821 г. для Закавказья льготного таможенного тарифа и ограждения интересов русского купечества на кавказских рынках. Канкрин утверждал, что Россия, «владея Грузией и знатной частью Каспийского и Черного морей, могла бы сделать исключительно своим достоянием к поощрению внутренней промышленности» ту самую восточную торговлю, которая подрывается иностранной конкуренцией¹¹⁴. По его мнению, Закавказье могло служить не только рынком сбыта, но и сырьевой базой для русской промышленности.

После Адрианопольского мира 1829 г., закрепившего за Россией не только основную территорию Закавказья, но и почти все Кавказское побережье Черного моря, интерес к Кавказу в кругах русской буржуазии возрос еще более. Это нашло отражение в русской периодике¹¹⁵ и русской экономической литературе¹¹⁶ того времени. Русское купечество требовало от царского правительства поддержки в деле завоевания кавказских рынков. В данном случае интересы дворян-помещиков и купечества в общем совпадали: освоение колониальных окраин империи и завоевание внешних рынков ослабляли кризис крепостнической системы хозяйства. В конечном счете в основе завоевательной политики царизма на Кавказе всегда лежало стремление отстоять и укрепить феодальную экономику и самодержавный строй.

В расширении русской торговли на Кавказе и на Востоке царизм видел средство для распространения своего политического влияния в районе Черного и Каспийского морей. Недаром в Положении о меновой торговле с горцами от 9 февраля 1846 г. прямо указывалось, что эти торговые сношения устанавливаются для того, чтобы «посредством оных приобрести доверие горцев»¹¹⁷. Поэтому царское правительство поощряло стремление русского купечества к освоению кавказских рынков. В 1831 г. был отменен льготный таможенный тариф и закрыт транзит европейских товаров через Закавказье¹¹⁸. Тогда же был утвержден проект организации купеческой компании под названием «Закавказское торговое депо»¹¹⁹. Наконец, указом 23 ноября 1836 г. предоставлялись льготы российским мещанам, которые выразят желание принять участие в торговых сношениях с кавказскими горцами. Указ гласил: «Буде семейство мещан, подлежащее рекрутской очереди, но из числа сего семейства кто-либо произведет торговлю в крепостях по ту сторону рек Кубани или Терека, то с оного не требовать рекрута, а буде торговлю производить долее трех лет, то того, сверх освобождения от рекрутства, снабжать свидетельством 3-й гильдии купца без взноса капитала...»¹²⁰.

¹¹³ М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия, М., 1949, стр. 71.

¹¹⁴ АКАК, т. VI, ч. I, № 295.

¹¹⁵ В 1834 г. в журнале «Сын отечества», т. X, была помещена статья П. Вышеславцева «Взгляд на Закавказье в хозяйственном и торговом отношениях его к России»: в 1836 г. в «Журнале министерства внутренних дел» (ч. XIX, № 1) напечатана статья «Торговые пути из внутренних областей империи в Закавказский край».

¹¹⁶ П. Зубов. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, финансовом и торговом отношениях, СПб., 1835; О. Евоцкий. Статистическое описание Закавказского края, СПб., 1835; «Обозрение российских владений за Кавказом», СПб., 1836 и др.

¹¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 728а, л. 112.

¹¹⁸ ПСЗ, т. VI, № 4622.

¹¹⁹ М. К. Рожкова. Указ. соч., стр. 95.

¹²⁰ ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 1369, л. 4.

Надеясь на поддержку царской администрации, представители русской буржуазии включались в торговлю с горцами. Ставропольский 3-й гильдии купец Карп Цирульников в январе 1832 г. подал прошение о «допуске его к производству торговли с горцами при Прочноокопском меновом дворе собственным своим красным товаром»¹²¹. Подобные прошения поступали не только от жителей Кавказской области, но и от купцов и мещан соседних губерний. Балашовский купец Иван Никонов также изъявлял желание «вступить в торговые связи с горцами, чтобы служить первым примером в деле столь важном»¹²².

Однако русская буржуазия была в то время еще очень слаба. У нее не было ни достаточных капиталов, ни опыта, ни знания местных условий для того, чтобы широким фронтом приступить к освоению отдаленных кавказских рынков. Московский мещанин Александр Тимофеев, бывавший ранее на Кавказе по коммерческим делам, подал в 1839 г. царскому правительству обширную записку, в которой сетовал на то, что Предкавказье по-прежнему представляет собой «край, изобилующий пустопоросшими землями и скудный предприимчивыми людьми»¹²³. Наместник кавказский князь М. С. Воронцов в резких выражениях осуждал русских купцов за их косность и бездеятельность, заявляя, что они «как собака на сене, сами не пользуются для общего благоденствия выгодами от природы и от правительственных распоряжений, а вместе с тем не желают, чтобы другие это делали»¹²⁴.

Но дело было не только в слабости, косности, инертности русской буржуазии. Успешному развитию торговли с горцами мешали военно-феодалы методы завоевательной политики царизма.

Исходя из того, что эта торговля «не имеет целью выгоды русских промышленников, но... должна служить единственно способом к укреплению нрава горцев»¹²⁵, чины царской администрации на Кавказе регулировали торговые сношения на «Кавказской линии», руководствуясь политическими и даже стратегическими соображениями. Нередко они запрещали торговлю с горцами в целях оказания политического давления на «непокорных». Таким образом, закрытие меновых дворов и карантинных застав служило репрессивной мерой. При этом, разумеется, многое зависело в этих случаях от произвола отдельных военачальников или чиновников. По признанию М. С. Воронцова, «ход торговли останавливали иногда карантинные меры, принимаемые в разное время, без всякой системы...»¹²⁶.

Напрасно немногие представители русской военной администрации, вроде Н. Н. Раевского, ратовали за расширение торговли с горцами, руководствуясь желанием заменить «пагубные военные действия мирным сотрудничеством с кавказскими народами в целях насаждения гражданского благоустройства»¹²⁷. Напрасно тот же Раевский справедливо подчеркивал, что «исключительно военное правление вообще не привлекает купечества и ремесленников»¹²⁸. Подобные рассуждения не встречали сочувствия со стороны правящих кругов дворянской империи. Большинство царских сановников разделяло мнение начальника «Кавказской линии» генерала Граббе, который считал, что «миролюбивые сношения» с

¹²¹ ГАСК, ф. 79, оп. 1, д. 1298, л. 1.

¹²² Там же, ф. 20, д. 8, л. 2.

¹²³ Там же, ф. 444, оп. 1, д. 1369, л. 3.

¹²⁴ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, д. 355, л. 310. Выписка из письма М. С. Воронцова к С. В. Сафонову от 26 октября 1846 г.

¹²⁵ АКАК, т. IX, ч. II, стр. 662.

¹²⁶ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, 728а, л. 1об. Отношение кн. Воронцова от 20 мая 1845 г.

¹²⁷ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 134, ч. IIIа, л. 11. Записка ген. Раевского о торговле с горцами (1839 г.). Ср. АКАК, т. IX, стр. 474.

¹²⁸ Там же, л. 87. Рапорт ген. Раевского от 9 января 1841 г.

горцами только «сделали их более дерзкими» и «уронили достоинство» русской администрации на Кавказе¹²⁹.

Как бы в ответ на свой проект о расширении торговли с коренным населением Кавказа Раевский в том же 1839 г. «получил распоряжение генерала Граббе прекратить с горцами все мирные и торговые сношения»¹³⁰. Это не было новостью. Точно такие же дискриминационные меры имели место и раньше. Так, например, меновые дворы на Кубани закрывались в 1796, 1822, 1830 гг.¹³¹. В 1833 г. последовало общее запрещение продажи горцам хлеба¹³². Таким образом, по замечанию Раевского, царь и его военачальники хотели «держат в тесной блокаде восемьсот тысяч жителей, обессиливая их голодом и недостатком и, наконец, покоряя их вторжениями в горы»¹³³.

Позднее, в 1850 г., была «по политическим видам воспрещена... меновая торговля с горскими народами» на Правом фланге «Кавказской линии»¹³⁴. Наконец, в 1854 г. всякие торговые сношения с горцами на Кубани и Черноморском побережье были совершенно прерваны в связи с Крымской войной. Лишь в 1859 г. они были разрешены, но только с «покорными племенами» и лишь «в пяти пунктах у кордонных постов»¹³⁵.

Конечно, развитию торговых сношений с горцами препятствовали и другие обстоятельства. Среди них особо следует отметить попытки ограничить эти связи тесными рамками откупной системы. Меновые дворы отдавались на откуп неоднократно. Еще в 1811 г. два меновых двора на Кубани были отданы на откуп курским купцам Михаилу Сыромятникову и Сергею Антиномову¹³⁶. В 1849 г. всю меновую торговлю с горцами в Черноморье взял на откуп известный ростовщик Александр Посполитакки¹³⁷. В 1853 г. была отдана на откуп продажа казенной соли в пределах Ставропольской губернии с передачей откупщикам всех запасов соли по меновым дворам «Кавказской линии»¹³⁸.

Естественно, откупная система еще более сковывала развитие торговых сношений русских новоселов и приезжавших из России купцов и мещан с кавказскими горцами.

Будучи типичным явлением экономической жизни феодальной эпохи, откуп особенно ярко продемонстрировал тормозящее влияние господствовавшего в России крепостничества на развитие торговли с горцами.

По своему положению Предкавказье могло служить важным связующим звеном в экономическом сближении России и Кавказа. Но именно вследствие отрицательного влияния крепостнических институтов и военно-феодальной направленности политики царизма на окраинах империи торговая жизнь Предкавказья развивалась в дореформенный период крайне медленно. Характерным в этом отношении является меланхолическое заявление ставропольского губернатора, сделанное им в 1856 г.: «Вообще торговля губернии не представляет замечательного развития, ограничиваясь отпуском виноградного вина и других немногих произведений на ярмарки и внутренним сбытом привозимых оттуда товаров»¹³⁹.

Вместе с тем по мере развития в стране капиталистического уклада становилось ясно, что Предкавказье будет играть важную роль в деле

¹²⁹ АКАК, т. IX, № 255, 256. Докладные записки начальника «Кавказской линии» ген. Граббе от 30 марта и 7 апреля 1840 г.

¹³⁰ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 134, ч. 1, л. 83. Записка ген. Н. Н. Раевского (1840 г.). Ср. АКАК, т. IX, № 252.

¹³¹ «Кубанский сборник», т. VIII, стр. 372, 382.

¹³² Там же, стр. 383.

¹³³ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 134, ч. IIIа, л. 110б.

¹³⁴ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 2294, л. 242.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же, д. 650, л. 1.

¹³⁷ «Кубанский сборник», т. VIII, стр. 406.

¹³⁸ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 782а, л. 138.

¹³⁹ Там же, оп. 9, д. 101, л. 369. Отчет Ставропольского губернатора за 1856 г.

вовлечения Кавказа в систему всероссийского рынка. Признание этого факта заставляло даже царское правительство идти на создание некоторых благоприятных условий в этом направлении. Так, например, 7 июня 1857 г. Александр II утвердил решение Кавказского комитета об упразднении таможенной линии по Кубани и Тереку. Интересно, что это решение мотивировалось тем, что «внутренние таможенные линии всегда вредны для промышленности и крайне затрудняют внутренние сношения»¹⁴⁰.

Конечно, упразднение таможенной линии по Кубани и Тереку должно было способствовать развитию экономических связей Кавказа с Россией, а значит, и дальнейшему оживлению торговой жизни Предкавказья. Однако в полной мере прогрессивное значение этого акта сказалось позднее, уже в пореформенный период.

В рамках одной статьи нет возможности исчерпать богатую содержанием тему об экономических связях Северного Кавказа с Россией, хотя бы и ограничив исследование определенным историческим периодом. Научную разработку этой темы необходимо продолжать в дальнейшем, причем особенно плодотворными могут оказаться в данном случае исследования местных кавказских историков.

Но и тот далеко не полный материал, который приведен в данной статье, позволяет сделать следующие выводы:

1. Еще до того, как российский капитализм приступил к широкому экономическому «завоеванию» Кавказа, возникали и постепенно расширялись рыночные связи между Северным Кавказом и Россией. Заселяемые русскими и украинскими переселенцами предкавказские степи превращались в новый экономический район, связанный с общероссийским рынком и служивший поставщиком мясного скота для промышленных центров страны, а также зерна и шерсти для внешней торговли России. Одновременно устанавливались торговые сношения России с горными районами Кавказа, которые являлись для русской буржуазии одним из источников первоначального накопления. Вследствие специфики экономического развития края в этих торговых сношениях участвовали не только купцы-посредники, но и широкие массы русского и горского крестьянства.

Проникновение в горные аулы товарно-денежных отношений подрывало господство натурального хозяйства и патриархальных форм общественного быта горцев.

2. Экономическое общение трудящихся горцев с русскими крестьянами-новоселами не ограничивалось только обменом товаров. Большое значение имел взаимный обмен производственным опытом в области сельского хозяйства, который непосредственно способствовал росту производительных сил местного края.

3. Расширение экономических связей Северного Кавказа с Россией в дореформенный период подготавливало развитие в дальнейшем капиталистических отношений в этом крае и способствовало более тесному сближению кавказских народов с русским народом. Однако формы этого процесса не соответствовали его объективно прогрессивному содержанию. Торговля с горцами в значительной мере сохраняла колониальный характер. Ее успешному развитию, как и вообще экономическому сотрудничеству горского и русского крестьянства, мешали военно-феодалные методы завоевательной политики царизма и вводимый им на Кавказе режим жестокого колониального угнетения. Царизм и здесь, как и повсюду, был величайшим тормозом всякого экономического прогресса.

¹⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 9, д. 54, л. 27.

